

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-1-6

УДК 93

СОВХОЗЫ И МТС ПОДМОСКОВЬЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Андросов А.А.

В статье на основании ранее неизвестных архивных материалов впервые в отечественной историографии рассматривается государственный уклад в советском сельском хозяйстве Московской области в период 1940-1942 гг. Особое внимание уделяется вопросам историографии данной проблематики, отмечаются новые методы современных историков в исследовании сельской экономики указанного периода. Сопоставляются различные подходы в анализе итогов коллективизации и появлению в СССР (Союзе Советских Социалистических Республик) новых секторов сельскохозяйственного производства – государственного и коллективного. Подчеркиваются особенности предприятий государственного сельскохозяйственного производства и правовое положение их работников в совхозах и машинно-тракторных станциях (МТС). Подробно исследуются конкретные трудности, возникшие в процессе и результате эвакуации имущества совхозов и МТС, подготовки к весеннему севу при реализации директивы Всесоюзной коммунистической партии большевиков об опоре на собственные силы. Отмечается самоотверженность работников тыловых структур при спасении вверенного им имущества, подготовке весенних посевных работ, поиску средств и трудовых ресурсов в экстремальных условиях. Прослеживается взаимосвязь положения дел на фронте и готовности тружеников тыла к работе в изменившихся условиях. Учитывается разница между субъективными трудностями, связанными с пороками командно-административной системы, господствовавшими в управлении страной и объективными невзгодами, возникшими с началом военных действий. Много внимания уделяется описанию технического состояния машинно-тракторного парка совхозов и МТС как основным средствам сельскохозяйственного производства. Делается вывод о причинах и последствиях неготовности руководящих структур к проведению эвакуации и подготовке весеннего сева.

Ключевые слова: эвакуация имущества; опора на собственные силы; машинно-тракторные станции; сельское хозяйство.

STATE FARMS AND MTS OF MOSCOW REGION BEFORE AND AT THE BEGINNING OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Androsov A.A.

In the article on the basis of previously unknown archival materials for the first time in the national historiography a public way in Soviet agriculture of Moscow region in the period 1940-1942 yy. is considered. Particular attention is paid to the historiography of this problem, new methods of modern historians in the study of the rural economy of this period are marked. Different approaches in the analysis of the results of collectivization and the appearance in the USSR (Union of Soviet Socialist Republics) new sectors of agricultural production – the state and the collective are compared. Features of the state agricultural production plants and the legal status of their workers in the state farms and machine and tractor stations (MTS) are pointed. Specific difficulties encountered in the process and as a result of the evacuation of the property of state farms and MTS, preparing for spring sowing in the implementation of the directive of All-Union Communist Party of Bolsheviks of self-reliance are examined in details. The dedication of staff rear structures in the rescue of the property entrusted to them, the preparation of the spring sowing campaign, raising funds and manpower in extreme conditions is marked. Relationship of the status on the front and readiness of rear workers to work in the changed circumstances is traced. The difference between subjective difficulties associated with defects of command-administrative system, which prevailed in government and objective hardship arising from the outbreak of hostilities is taken into account. Much attention is paid to the description of the technical condition of the machine and tractor fleet of state farms and MTS as the main means of agricultural production. The conclusion about the causes and consequences of unavailability governance structures to conduct evacuation and preparation of the spring sowing are made.

Keywords: *evacuation of the property; self-reliance; machine and tractor stations; agriculture.*

Данное исследование посвящено оценке состояния государственных сельскохозяйственных объектов в 1940-1942 годах и политики государства по их использованию в изменившихся с началом войны условиях. До сих пор эта тема недостаточно изучена, не дана объективная оценка событий того времени. Анализ фактического материала дается на основе данных Московской области.

Актуальность исследования продиктована работой правительства России по продовольственной безопасности страны. Возможно, опыт прошлого поможет решить проблемы настоящего.

Интерес историков к тому, как изменилось сельское хозяйство страны после коллективизации, не исчерпывается анализом жизни только колхозного крестьянства. В последние годы многие историки аграрных отношений отказываются от бытовавшего в советский период идеологического штампа о едином колхозно-совхозном строе в деревне, достигнутом большевиками в период коллективизации. Делаются выводы о социальной неоднородности работников сельскохозяйственного производства, о появлении, по крайней мере, двух укладов: государственного и колхозного, вместо существующей накануне войны колхозно-совхозного жизни, которую вело подавляющее большинство крестьян. Фактическое количество хозяйств единоличников вообще не учитывалось. К слову, по материалам некоторых изданий, в южных районах Союза советских социалистических республик (СССР), на Кавказе, единоличных хозяйств оказалось не так мало, как представляла это советская пропаганда, а коллективизация там провела «для отвода глаз», формально. Рентабельность хозяйств крестьян-единоличников после проведения сплошной коллективизации в предвоенное время требует отдельного изучения. Некоторые современные историки рассматривают процесс возникновения и укрепления совхозов и МТС в предвоенные годы с точки зрения «государственной капитализации сельского хозяйства России» [4]. Они исходят из определения советской модели социализма как государственного капитализма, выражающегося в отделении крестьян от земли и основных средств производства, законодательно оформленной системы обязанностей вкуче с личной «поземельной повинностью». Вместо дореволюционного барина здесь выступало государство. Также ими утверждается тезис о существенном различии между государственным сектором в сельском хозяйстве и колхозным с тенденцией к дальнейшему огосударствлению колхозов и вытеснением их совхозами [4]. В других научных работах также обособляется положение государственных сельхозпредприятий, которое они заняли с момента их появления. Например, несопоставимы были бытовые и правовые условия жизни сельхозрабочих и колхозников. Рабочие совхозов и МТС имели профсоюзы, получали заработную плату, имели выходные, праздничные дни и отпуска, о чем крестьянин мог только мечтать [12]. Особое место, которое занимали совхозы и МТС в сельском хозяйстве страны накануне войны отмечали и советские историки, хотя противопоставления колхозов и государственных хозяйств не было, либо это не подчеркивалось. Отмечалось, что в 1940 г. в составе тракторного парка МТС и совхозов имелось восемь типов колесных и гусеничных тракторов, комбайновый парк МТС увеличился с 104,8 тыс.

машин в 1937 г. до 153,4 тыс. [5]. МТС заключали договоры с колхозами, не имевшими своих тракторов и комбайнов, и играли, таким образом, ведущую роль в техническом оснащении колхозного хозяйства. Удельный вес совхозов в сельском хозяйстве в данный период был сравнительно невелик. В 1940 г. на их долю приходилось 6,9 % посевных площадей зерна [6]. К началу 1941 г. из 4159 совхозов СССР зерновых и плодоовощных хозяйств было соответственно 456 и 494 [15]. Остальные совхозы были животноводческими. Однако небольшое количество совхозов с меньшей посевной площадью, по сравнению с колхозами, компенсировалось высокой товарностью и лучшими качественными показателями производства. К тому же, совхозы были наиболее крупными сельскохозяйственными предприятиями, располагающими хорошей производственной базой. В 1940 г. в среднем на один совхоз приходилось 12,2 тыс. га сельскохозяйственных угодий, а на один колхоз – 1,4 тыс. га; посевной площади было соответственно 2,8 тыс. га и 0,5 тыс. га [15]. Многие совхозы имели в среднем столько же тракторов, сколько их было в МТС, что приближало техническое оснащение совхозов к машинно-тракторным станциям, хотя отдельные небольшие совхозы имели единичное количество сельскохозяйственных машин (Выводы автора на основе материалов статистических сборников «Сельское хозяйство СССР», Социалистическое народное хозяйство, фондов Центрального Государственного архива Московской области, а также сборника «СССР в 1933-1940 гг.»). Количество тракторов и комбайнов определялось значимостью совхоза, его удельным весом в сельскохозяйственном производстве района и административной самостоятельностью. В этом смысле показателен уровень технического оснащения совхозов союзного подчинения – доля рабочего скота в них к началу 1941 г. составляла лишь 6,9 % от всей тягловой силы, а 93,1 % приходилось на моторизованную технику, в том числе 49,4 % – на тракторы [6].

Удивляют работы некоторых молодых историков, утверждающих, что нет специальных исследований по государственному сектору в сельском хозяйстве, например, по МТС, рассмотренных с современных позиций [16]. А как же защищенные диссертации и опубликованные исследования на их основе, отдельные исследования в 90-х – начале 2000-х гг., косвенно или прямо анализирующие данную проблематику? Большинство этих авторов рассматривали упомянутые вопросы с новых и вполне современных позиций [1]. Впрочем, к отдельным, упомянутым выше, радикальным оценкам научная общественность того времени еще не была готова. Да и теперь многие ученые отстаивают прежние позиции, либо готовы признать некоторые просчеты и несуразности командно-административной системы (например, ошибки Наркомзема в проведении эвакуации и подготовке к весенне-полевым работам). Но они не упоминают при этом директив Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии больше-

виков (ЦК ВКП(б)) и идеологических установок обкомов и райкомов партии, ставящих порой сельскохозяйственное производство на грань катастрофы [21]. Чего стоил, например, широко разрекламированный партийными организациями лозунг «опоры на собственные силы» в условиях государственной децентрализации снабжения сельского хозяйства запасными частями и горючим? К чему он привел материально-техническую базу села? В какой степени этот лозунг, а по сути – директива, не оставляющая альтернативы, был оправдан напряженной ситуацией на фронтах в 1941-1943 гг.? Понимали ли советские руководители, что в случае затяжной войны самокупаемость сельского хозяйства приведет к потере его материально-технической базы, а в совокупности с недостатком рабочей силы на селе, будет быстро уменьшаться производство сельхозпродукции, а значит, и снабжение армии продовольствием? Однозначно ответить на эти вопросы трудно, что создает широкое поле для научных дискуссий... Но в таких дискуссиях эти авторы не участвуют, оставаясь на позиции отождествления секторов экономики сельского хозяйства, сложившихся в результате коллективизации.

Перспективным и почти не исследованным направлением в изучении работы государственных форм собственности в годы войны является публикация В. Шенина «Солдатский хлеб», в котором анализируется история создания и развития военных совхозов и подсобных хозяйств [22]. Отдельно выходят публикации мемуарного характера, написанные ветеранами совхозов, возникших до войны. Они дополняют научные исследования новым фактическим материалом [9].

Проблемы эвакуации сельского хозяйства СССР с приведением ряда интересных и неизвестных фактов рассматривает в одной из последних своих монографий В.Т. Анисков «Крестьянство против фашизма» [3].

Мы же остановимся на рассмотрении и анализе проблем эвакуации государственных сельскохозяйственных объектов лишь одного, но весьма значительного, Московского сельскохозяйственного региона.

В своем исследовании этого вопроса мы руководствовались принципами историзма, объективности, достоверности и новыми методами, появившимися в постсоветский период в исторической науке. Методологически нам ближе рассмотрение и анализ предвоенного и военного сельского хозяйства с точки зрения, высказанной в работах Т.М. Димони, М.А. Безниным и Ю.А. Петрушиным, рассматривающих государственные и колхозные сектора сельского хозяйства как существенно различные в пределах единого народно-хозяйственного комплекса [2, 12]. Место и роль подсобных хозяйств, важнейшего элемента, входившего в государственный сектор сельскохозяйственной экономики, в настоящем исследовании не рассматриваются.

Сущность военной перестройки в годы Великой Отечественной войны заключалась в мобилизации производственных мощностей страны для её обороны – в переключении предприятий на выпуск военной техники, вооружения, боеприпасов, снаряжения, обмундирования; в усилении самой военной промышленности путем передачи ей предприятий других отраслей народного хозяйства. Перестройка военной и гражданской промышленности представляла единый взаимосвязанный процесс и включала в себя строжайший режим экономии, переквалификацию и подготовку новых кадров специалистов, вовлечение в производство ранее не работавшего населения. Перестройка произошла сравнительно быстро. В последние месяцы первого года войны спад в решающих отраслях был приостановлен, после чего начался устойчивый подъем, длившийся затем без существенных перебоев [8].

Подобные процессы в сельском хозяйстве проходили более болезненно, а сдвиг к лучшему наметился лишь на завершающем этапе Великой Отечественной войны, что объяснялось особенностями сельскохозяйственного производства и долгим потребительским отношением к нему со стороны власти.

Объективные и субъективные трудности, возникшие с началом Великой Отечественной войны на территории Московской области, деятельность государственных, военных и партийных организаций по их преодолению, были типичны для любой области или края Советского Союза, но особенное положение столичного города делало все мероприятия, проходившие в этот период, чрезвычайно ответственными. Москва и Московская область производили сельхозпродукцию в совхозах, объединенных четырьмя трестами: Мособловоштрестом, Мосвинотрестом, Мосживтрестом и Мосовощтрестом. Совхозы городского подчинения располагались в области, поэтому их производственные мощности анализируются вместе с областными совхозами. Основными продуктами питания, производившимися сельскохозяйственными предприятиями Московской области, были хлеб, картофель и овощи. Поэтому нас интересуют, прежде всего, те совхозы, которые занимались выращиванием зерновых, картофеля и овощей. Перестройка сельского хозяйства области представляла собой сложный процесс, достигший своего кульминационного момента в период битвы за Москву. Пока область находилась в глубоком тылу, задачи, стоявшие перед сельским хозяйством, решались несравнимо легче, чем в период немецкого наступления под Москвой.

Этим и объясняется, в частности, довольно успешное начало перестройки сельского хозяйства в области в первые месяцы войны. В августе-сентябре 1941 г. перед Московским областным советом сельскохозяйственными рабочими встала задача собрать и спасти урожай зерновых, картофеля и овощей. Совхозы и МТС испытывали нужду в механизаторах, так как

большая часть мужчин была призвана в армию, или была занята на строительстве оборонительных рубежей. Руководство Московской области предусматривало создание краткосрочных курсов подготовки механизаторов и технических работников при МТС и совхозах. Срок обучения на них, по сравнению с довоенным периодом, сокращался в четыре-пять раз; двадцатидневные курсы трактористов были укомплектованы, главным образом, молодыми женщинами. В результате этих мер уже к середине июля на работу в МТС было привлечено свыше пятисот женщин [10]. В результате мероприятий, проведенных на местах всеми районными организациями, включая общественные, большая часть урожая была убрана. Но вторжение фашистских захватчиков на территорию Подмосковья и ранние морозы не позволили полностью собрать урожай.

Одной из главных задач советских хозяйственных и общественных организаций в период наступления немцев на Москву стала эвакуация людей, оборудования, техники, скота в восточные районы страны. Эвакуация в годы войны – это вывоз в отдаленные от фронта области хозяйственных объектов, учреждений, художественных и производственных ценностей, иного имущества из районов, находящихся под угрозой оккупации. Эвакуация является частью военной перестройки всего хозяйственного механизма. Эвакуация продолжалась три месяца и была завершена в основном к началу 1942 г. [10]. Уже к середине ноября 1941 г. из Подмосковья эвакуировано более 100 тыс. голов крупного рогатого скота и 6 тыс. овец, вывезено 2145 тракторов, электромоторов, станков и другого оборудования. Первоначально распоряжением Совета народных комиссаров (СНК) СССР для руководства и контроля над ходом эвакуации скота, тракторов, моторов и запасных частей в Москве была создана группа руководителей из 20 человек аппарата Народного комиссариата землеустройства СССР. Этого количества было явно недостаточно для решения такой задачи, поэтому Наркомзем СССР ходатайствовал перед СНК СССР об увеличении названной группы на 64 человека. Прошение было удовлетворено лишь частично – на 37 человек, что было совершенно неоправданно ввиду масштабности предстоящей задачи [14]. Однако, в связи с осложнением обстановки на фронте, дальнейшим отступлением советских войск и возрастающими трудностями эвакуации, в качестве центрального руководящего и контролирующего органа 27 ноября было создано специальное управление по эвакуации, которое возглавил А.С. Полёхин [14]. В составе управления были организованы три группы специалистов: планово-транспортная группа, группа по эвакуации и вывозу металла и оперативная группа по эвакуации тракторов, комбайнов, моторов к комбайнам, станков, запчастей к тракторам и сельскохозяйственным машинам. Управление само должно было укомплектовывать состав названных групп, распределять функции и задания между ними.

В соответствии с приказом Наркомзема СССР от 27 ноября на время проведения эвакуации в однодневный срок устанавливался институт постоянных уполномоченных при Управлении [14]. В эти же дни для эвакуации имущества МТС из прифронтовой полосы в Московской области были созданы эвакуационные отряды, в задачу которых входило обеспечение доставки тракторов к железнодорожным станциям.

1. Особенностью эвакуации собственности государственных сельскохозяйственных предприятий было то, что трактора, комбайны и другое имущество вывозились не в отдаленные районы страны, а в соседние с Московской области. Например, Кимовскую МТС эвакуировали в Рязанскую область [19], трактора Григорьевской МТС – в г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, трактора Константиновского района – в Калининскую область [19]. Ведущее положение по приему тракторов из Московской области заняла Ивановская область [19]. Сюда с начала эвакуации по 26 ноября из Московского сельскохозяйственного региона прибыло 224 трактора, после чего общее число тракторов в Ивановской области составило 278 машин. Дополнительно из Московской области в направлении Иваново продолжали движение еще 683 трактора. Эвакуационные отряды следили за доставкой тракторов, шедших своим ходом от МТС до железнодорожных станций. Из Московской области до станции Гусь-Хрустальный трактора продвигались по территории подмосковных районов: Петушинского, Егорьевского, Загорского [14]. К прибытию тракторов на станциях должны были быть подготовлены железнодорожные платформы для дальнейшего продвижения на восток. Наиболее крупными станциями погрузки тракторов в 1941 г. в Московской области были: Егорьевск, Кривандино, Петушки, Черусти [14].

На этом этапе эвакуации были допущены серьезные ошибки и просчеты. Большая доля вины лежит на районных партийных организациях, так как именно от них зависела согласованность действий хозяйственно-управленческих звеньев, участвующих в эвакуации. Часто трактора, прибывающие на железнодорожные станции, не могли быть погружены на поезда из-за отсутствия платформ. Например, директор 1-ой Михневской МТС (наиболее передовой в районе) подготовил к погрузке оборудование мастерских и прибывшие на станцию трактора и комбайны. Заявки на платформы были даны своевременно, но они не были предоставлены [14]. Трактора, комбайны, станки и другое сельскохозяйственное имущество скапливалось на станциях погрузки, создавая опасную ситуацию, которая усугублялась по мере поступления тракторов. План эвакуации стоял на грани срыва. Особенно тяжелое положение создалось 1 декабря на станции Ранненбург-Москва Донбасской железной дороги, где скопилось около 400 тракторов [14]. Сравнивая положение, сложившееся на четырех упомянутых станциях по-

грузки Московской области, можно сделать вывод, что проблема отправки вагонов с сельскохозяйственным имуществом не только не разрешалась со временем, но и, наоборот, обострялась (см. приведенную ниже таблицу) [30].

Станция погрузки	Количество тракторов на станциях	
	на 26 ноября	на 6 декабря
Черусти	30	60
Петушки	100	192
Егорьевск	190	182
Кривандино	120	40
Всего	440	474

Таблица составлена автором по материалам РГАЭ [14].

Скопление тракторов и других средств сельскохозяйственного производства на станциях погрузки из-за отсутствия вагонов и платформ делало эвакуацию все более проблематичной. Фактически, этот губительный процесс был остановлен лишь с началом контрнаступления и последовавшей 17 декабря 1941 г. директивой центра о прекращении эвакуации [14].

Объясняя причины, вследствие которых процесс эвакуации мог остановиться, необходимо иметь в виду и трудности, вызванные сложностью ситуации, недостаточным осознанием момента, неспособностью многих работников перестроиться в связи с изменившейся обстановкой и соответственно перестроить подведомственные им учреждения.

К числу объективных трудностей нужно отнести, прежде всего, приближение фронта и, в связи с этим, загруженность железнодорожного транспорта, которая сохранялась на протяжении всей Московской битвы, а также дефицит грузовых вагонов. Кроме того, в первую очередь эвакуировались крупные промышленные объекты. Эвакуации объектов сельского хозяйства отводилась второстепенная роль. Отсутствие вагонов на станциях и недостаточная оперативность руководящих звеньев объясняется также и военным фактором. Имеется в виду нарушение связи как с МТС, в районах которых велись боевые действия, так и со станциями погрузки, которые не получали уже направленные распоряжения из центра. Яркий тому пример – ситуация, возникшая на железнодорожной станции Кашира. Промышленный район Каширы наряду с такими городами, как Сталиногорск и Тула, имел большое значение для снабжения Москвы своей продукцией. Именно поэтому в приказе командования немецко-фашистской группы армии «Центр» в период наступления на Москву Каширу наряду с названными городами предполагалось «...захватить как можно быстрее» [17]. А из сообщения Наркомзема в СНК

от 6 декабря следует, что к этому времени Московский областной заготовительный отдел не имел сведений от погрузочной станции Кашира, а связь с районной МТС была нарушена [14]. К тому же, многие МТС области находились в непосредственной близости от промышленных объектов и железнодорожных станций и, таким образом, становились объектами бомбежек вражеской авиации.

К числу субъективных причин, приводивших к заторам на погрузочных станциях, можно отнести просчеты руководства в планировании, отсутствие должного взаимодействия и оперативности различных структур управления, медлительность принятия решений, что было непростительно в создавшихся условиях. Например, вследствие технической ошибки, допущенной в Наркомате путей сообщения, было выделено 450 вагонов Наркомату заготовок, который не занимался эвакуацией сельскохозяйственного имущества [14]. На станцию Серебряный Бор были вовремя поданы вагоны для эвакуации имущества московской конторы Сельхозснаба. Однако вагоны простаивали, так как имущество конторы не было подготовлено к погрузке, в то время как на других станциях вагонов не хватало. Результатом такого положения стало административное изъятие вагонов у Наркомата земледелия и передача их другому ведомству, а имущество Сельхозснаба не удалось эвакуировать [14]. Имелись случаи, когда тяжелая ситуация использовалась в корыстных, мародерских целях. Например, директор Щелковской МТС во время эвакуации тракторов присвоил деньги, которые получил на эшелон (сумма составила 20 тыс. рублей) [19].

Общим недостатком в работе по эвакуации (а потом – реэвакуации) в первый период войны являлась неготовность большинства сельскохозяйственных предприятий к работе в новых условиях, диктуемых ходом военных действий. Непонимание грозящей опасности и желание многих работников действовать так же, как в мирное время, распространялось не только на трудящихся и руководителей сельского хозяйства, но и на все сферы производства, обеспечивающие эвакуацию. Например, многие начальники станций в своих докладах Наркомату земледелия «перестраховывались», не проявляли инициативы и объясняли невозможность погрузки прибывших тракторов тем, что дополнительная погрузка не включена в план работы станции на декабрь, хотя на станции имелись свободные вагоны [14].

Процесс эвакуации из прифронтовых областей, в том числе Московской, включил также совхозы, которые выехали в восточные районы вместе со своими рабочими. Помимо тракторов и автомашин, здесь эвакуировали скот. Двигались собственным ходом. При движении тракторов и автомашин совхозов возникали серьезные трудности из-за нехватки горючего. Аналогичные трудности возникали при передвижении тракторов МТС. Тракторный парк МТС в несколько

раз превышал тракторный парк совхозов, и нехватка горючего в значительной степени объяснялась тем, что нефтебазы обеспечили им в первую очередь военные машины [14]. Кроме того, после изъятия автомашин военкоматами, в МТС были оставлены наиболее изношенные автомобили, в среднем по две автомашины на одну МТС, требовавшие восстановительного, а подчас и капитального ремонта [14]. Можно представить, какие трудности испытали и отряды сопровождения.

Вследствие недостатка горючего, смазочных масел, запчастей много тракторов и других машин осталось в пути. Часть из них попала в руки немцев, другая осталась на линии фронта, третья была брошена на территории еще не занятой противником из-за фактической невозможности дальнейшей эвакуации [14]. Не меньше было трудностей при эвакуации совхозных лошадей, коров и другого скота. Много скота пропало на линии фронта, еще больше пало в пути от истощения и болезней [19]. Сказались и просчеты организаций, участвовавших в эвакуации. Сводки об эвакуации скота, проходившего через Московскую область, по вине аппарата Наркомзема задерживались более чем на сутки, что не позволяло при централизованном управлении принимать немедленные решения для ликвидации тяжелых ситуаций на местах [14]. Имелись случаи, когда районные в межрайонные организации слишком поздно принимали решения об эвакуации своих совхозов, МТС и подсобных хозяйств. Тогда имущество попадало в руки врага. Так, из 10 совхозов Мосовощетреста 3 оказались в оккупации [14]. Из 39 совхозов Мосовинотреста в оккупации остались 16. Подверглись оккупации и 7 совхозов Мособлживтреста [20]. Кроме вывоза имущества совхозов из прифронтовой полосы, скот, зерно и фураж спасали путем сдачи их частям Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). Спасенное таким способом имущество не попадало в руки врага, но и не возвращалось в совхозы в период реэвакуации. Помимо механизированной тягловой силы, гужевого транспорта, оборудования, автомобилей и сельхозмашин в МТС и совхозах, скота, зерна, фуража в совхозах и подсобных хозяйствах, собственность государственных сельскохозяйственных учреждений включала в себя недвижимость: жилые дома, базы и усадьбы МТС и совхозов, скотные дворы совхозов. Впоследствии они частично были использованы немцами.

Оставленная в совхозах механизированная техника, скот, ценное оборудование и орудия производства вывозились службами Вермахта в тыл немецких войск или использовались на оккупированной советской территории. Только из одной Московской области было задействовано 1100 захваченных тракторов [13]. В немецком тылу оказались 64 тысячи сельхозорудий и других машин, принадлежавших машинно-тракторным станциям Московской области, в числе которых было свыше 47 тыс. почвообрабатывающих и около 16 тыс. уборочных машин [13].

При отступлении немцев все эти машины были уничтожены или приведены в полную негодность. В качестве примера мы приводим данные по 30 совхозам Московской области, находившимся на оккупированной территории. В этих совхозах немцы уничтожили 95 тракторов, 446 автомашин и 4850 единиц разного сельскохозяйственного инвентаря. Животноводство в этих совхозах было полностью ликвидировано [10]. Скот, птица, продукты питания и вещи рабочих совхозов, бывших в оккупации, были разграблены или сожжены фашистами. В ряде случаев немцы не уничтожали сельскохозяйственные средства производства при отступлении, а использовали их в качестве защитных сооружений против наступающих частей РККА. Сельскохозяйственный инвентарь, в частности, был использован как противотанковые заграждения на дорогах, подобно противотанковым ежам и надолбам. В других случаях площадки совхозов и МТС, где находился сельскохозяйственный инвентарь, минировались. Подобное использование сельскохозяйственных орудий имело место в Высоконическом [13], Истринском, Угодско-Заводском и Малоярославецком районах [20]. Стремясь подорвать материально-техническую базу села, фашисты также уничтожали сельскохозяйственные постройки. В совхозе «Большевик» Истринского района все постройки (6 жилых домов, скотный двор и другие) были сожжены полностью. Та же участь постигла строения совхозов «Озерецкий» Краснополянского района и «Общественник» Химкинского района. Почти полностью были разрушены совхоз «Бережки» Солнечногорского района, «Победа» Угодско-Заводского района и «Протва» Малоярославецкого района [13]. В 30 упомянутых ранее совхозах было разрушено 999 построек [13]. А всего в области вместе с МТС, подсобными хозяйствами и колхозами было разрушено 46 тыс. сельскохозяйственных построек [13]. Больше всего от оккупации пострадали МТС. Из 109 имеющихся в области МТС полностью были разрушены 11 [13], другим был нанесен тяжелый материальный ущерб [13].

Наибольший ущерб был причинен главным сельскохозяйственным машинам – тракторам. Если в начале 1941 г. тракторный парк МТС насчитывал около 3 600 тракторов, то к началу 1942 г. их осталось 2800 [13], из которых только 865 требовали текущего ремонта, а остальные должны были пройти капитальный ремонт и восстановительные работы [13]. Обеспеченность Московской области тракторами составляла лишь 22,8 % [10]. Восстановить оборудование совхозов, МТС и подсобных хозяйств в районах, подвергшихся оккупации, местными ресурсами было чрезвычайно трудно, так как 164 из 190 предприятий местной промышленности были сожжены или частично разрушены и сами требовали восстановления [13]. В связи с прекращением эвакуации дальнейшие распоряжения союзных и областных ведомств были направлены

на возвращение эвакуированного имущества, его сохранность и ремонт. Первостепенной задачей теперь было возвращение сельскохозяйственной техники.

При реэвакуации тракторов из близлежащих к Московской области районов к началу ремонтных работ многие МТС не получили обратно всего количества эвакуированных машин или получили их доставленными на лошадях в разобранном виде [13]. Полностью реэвакуация тракторов и тягловой рабочей силы не закончилась даже к началу весенне-полевых работ. На конец января 1942 г. в 75 МТС, не подвергшихся оккупации, имелось 2 300 тракторов. По остальным 34 МТС, где побывали немцы, предполагалось собрать еще 300 тракторов [13], которые прежде намеревались эвакуировать, но не успели и оставили на линии фронта из-за неисправности и нехватки горючего. Использовали также трофейные немецкие армейские тракторы [20]. Более 700 тракторов было востребовано и не получено по реэвакуации (подсчитано автором по материалам РГАСПИ [13]).

Таким образом, Московская область начинала подготовку первого военного весеннего сева с меньшим количеством машинной техники, чем то, на которое рассчитывали в результате реэвакуации. Кроме недостаточно четкой организованности межобластных и межрайонных ведомств, осуществлявших реэвакуацию, такое положение во многом объясняется тем, что основная масса МТС, совхозов и подсобных хозяйств не была подготовлена к весеннему севу из-за недостатка средств технического обеспечения.

Тем не менее, несмотря на проблемы, связанные с результатами эвакуации, реэвакуации государственных объектов сельскохозяйственного производства, утратой части его имущества, московский сельскохозяйственный регион все-таки смог перестроиться и работать при отсутствии финансирования и централизованного снабжения. Цена этой победы не могла не сказаться на дальнейшем развитии материально-технической базы села.

Список литературы

1. Андросов А.А. Опыт преодоления трудностей работы подсобных хозяйств, совхозов и МТС Подмосковья в годы Великой Отечественной войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1993.
2. Аникеева О.А., Аникеева О. А., Краснова О. Н., Фодоря А.Ю. История социальной работы. – Москва, 2009.
3. Анисков В.Т. Крестьянство против фашизма.1941-1945. История и психология подвига. – М.: Памятники исторической мысли, 2003.

4. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальные классы в Российской колхозно-совхозной деревне в 1930–1980-х гг. // Социологические исследования №11(331). – М., 2011. С. 91.
5. Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. – М., 1970. С. 67, 68.
6. Зеленин И.Е. Совхозы СССР. 1941-1950. – М., 1969. С. 21, 22.
7. Картунов В.В., Шелекета В.О. К вопросу о философско-культурологическом обосновании гуманитарной экспертизы социально-политических процессов / Сервис plus. 2014. Т. 8. № 4. С. 9-14.
8. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. – М., 1970. С. 123. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. – М., 1988. С. 117, 118.
9. Леонов В. Золотые Вы мои!.. (1930-2000). – М., 2000. С. 14, 32-34.
10. Матвеев О. Когда враг угрожал Москве. – М., 1966. С. 20.
11. Павленок П.Д., Харитонов Т.В., Кривошеева Т.М., Анисеева О.А., Митюрникова Л.А., Шеменева О.В., Мозговая Т.М., Краснова О.Н., Фодоря А.Ю., Погребова Е.С. Качество жизни населения современной России в контексте социального государства. Отчет о НИР (Федеральное агентство по образованию).
12. Петрушин Ю.А. Повседневность рабочих совхоза в 1928-1945 гг. // Известия Иркутского государственного Университета. Серия «История» №1(2). – Иркутск, 2012. С. 162.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 88, оп. 1, д. 937, л. 1, 8, 9; ф. 17, оп. 43, д. 1281, л. 60, 238, 239, д. 1278, л. 13, 60.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) ф. 7486, оп. 1, д. 2929, л. 85, 88, 134, 135, 136, 137, 206, 208, 223, 250. д. 2873, л. 29, 117; д. 2873, л. 28, 52а; д. 937, л. 8; ф. 7803, оп. 2, д. 209, лл. 50–51, 49.
15. «Сельское хозяйство СССР». Статистический сборник. – М., 1960.
16. Соболева О.В. Становление и деятельность машинно-тракторных станций Центрального Черноземья (1930-1952 гг.) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 2004. С. 11.
17. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Сб. документов и материалов. – М., 1967. С. 340.
18. Столяров Д.Ю., Картунов В.В. Культурология. – Москва, 1998.
19. Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ), ф. 17, оп. 43, д. 1281, л. 389. д. 1278, л. 61, 50. ф. 88, оп. 1, д. 937, л. 1; оп. 43, д. 1279, л. 115. ф. 119, оп. 2, д. 2, лл. 12, 14; ф. 1372, оп. 1, д. 1, л. 31.

20. Центральный государственный архив Московской Области (ЦГАМО), ф. 8003, оп.1, д. 7, л. 1; ф. 2157, оп. 1, д. 2325, л. 13, д. 937, л. 1.
21. Черепанов И. Третий орден Ленина // Не меркнущий лик победы. 55 лет победы в Великой Отечественной войне. – М., 2000.
22. Шенин В. Солдатский хлеб. – М., 2013. С. 13.
23. Kortunov V. Modernization of Russia in the context of cultural experience of the East and West / Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Т. 14. № 1. С. 41-46.
24. Krasnova O.N. Problems of social cohesion development / Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 19. № 3. С. 421-423.

References

1. A.A. Androsov *Opyt preodolenija trudnostej raboty podsobnyh hozjajstv, sovhozov i MTS Podmoskov'ja v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Experience coping work farms, state farms and MTS suburbs during the Great Patriotic War]. Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow, 1993.
2. Anikeeva O.A., O.A. Anikeeva, O. Krasnova, Fodorya A.Y. *Istorija social'noj raboty* [History of Social Work]. – Moscow, 2009.
3. Aniskov V.T. *Krest'janstvo protiv fashizma* [Peasantry against fashizma]. 1941-1945. History and psychology feat. – M.: Monuments of Historical Thought, 2003.
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Social'nye klassy v Rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne v 1930–1980-h gg.* [Social classes in the Russian collective and state farms in the village of 1930–1980-ies] // Sociological studies №11 (331). – M., 2011. P. 91.
5. Vyltsan M.A. *Sovetskaja derevnja nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny.* [Soviet village on the eve of the Great Patriotic War]. – M., 1970. Pp. 67, 68.
6. I.E. Zelenin *Sovhozy SSSR.* [State farms of the USSR]. 1941-1950. – M., 1969. Pp. 21, 22.
7. Kortunov V.V., V.O. Sheleketa *K voprosu o filosofsko-kul'turologicheskom obosnovanii gumanitarnoj jekspertizy social'no-politicheskikh processov* [On the question of philosophical-cultural justification of humanitarian examination of socio-political processes] / Service plus. Т. 2014. Vol. 8. № 4. Pp. 9-14.
8. Kravchenko, G.S. *Jekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War]. – M, 1970. P. 123.
9. V. Leonov *Zolotyje Vy moi!* [Gold You are mine!] (1930-2000). – Moscow, 2000. Pp. 14, 32-34.

10. Mathias O. *Kogda vrag ugrozhal Moskve* [When the enemy threatened Moscow]. – M., 1966. P. 20.
11. Pavlenok P.D., Kharitonov T.V., Krivosheeva T.M., Anikeeva O.A., Mityurnikova L.A., Sheme-neva O.V., Mozgovaya T.M., Krasnova O.N., Fodorya A.Y., Pogrebova E.S. *Kachestvo zhizni naselenija sovremennoj Rossii v kontekste social'nogo gosudarstva* [Quality of life of modern Russia in the context of the welfare state. Research report] (Federal Agency for Education).
12. Y.A. Petrushin *Povsednevnost' rabochih sovhoza v 1928-1945 gg.* [Daily routine of the farm workers in the 1928-1945] // Proceedings of the Irkutsk State University. Series «History» №1 (2). – Irkutsk, 2012., P. 162.
13. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), f. 88, op. 1, d. 937, l. 1, 8, 9; f. 17, op. 43, d. 1281, n. 60, 238, 239, d. 1278, n. 13, 60.
14. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki* [The Russian State Archives of Economics] (RGAE) f. 7486, op. 1, d. 2929, n. 85, 88, 134, 135.136, 137.206, 208, 223, 250. d. 2873, L. 29.117; d. 2873, n. 28, 52a; d. 937, l. 8; f. 7803, op. 2, d. 209. Pp. 50-51, 49.
15. «*Sel'skoe hozjajstvo SSSR*» [«Agriculture of the USSR»] Statistical compilation. – Moscow, 1960. Pp. 42-43.
16. O.V. Sobolev *Stanovlenie i dejatel'nost' mashinno-traktornyh stancij Central'nogo Chernozem'ja* [Establishment and operation of the machine and tractor stations of the Central Chernozem] (1930-1952 gg.) Abstract of dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow, 2004. P. 11.
17. «*Sovershenno sekretno! Tol'ko dlja komandovanija!*» [«Top Secret! Only to command!»] The strategy of Nazi Germany in the war against the Soviet Union. Coll. documents and materials. – M., 1967. P. 340.
18. Stolyarov D.Y., Kortunov V.V. *Kul'turologija* [Cultural Studies]. – Moscow, 1998.
19. *Central'nyj arhiv obshhestvennyh dvizhenij Moskvy* [The Central Archives of social movements in Moscow] (TSAODM), f. 17, op. 43, d. 1281, n. 389. d. 1278 liters. 61, 50. f. 88, op. 1, d. 937, l. 1; op. 43, d. 1279, n. 115. f. 119, op. 2, d. 2, pp. 12, 14; f. 1372, op. 1, d. 1, n. 31.
20. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskovskoj Oblasti* [Central State Archive of the Moscow Region] (TSGAMO), f. 8003, op. 1, d. 7, p. 1; f. 2157, op. 1, d. 2325, n. 13, d. 937, l. 1.
21. Cherepanov I. *Tretij orden Lenina* [Third Order of Lenin] // Not fading face of victory. 55 Years of Victory in the Great Patriotic War. – Moscow, 2000.
22. Shenin B. *Tretij orden Lenina* [Soldier bread]. – M., 2013. P. 13.

23. Kortunov V. Modernization of Russia in the context of cultural experience of the East and West / Middle East Journal of Scientific Research. 2013. Т. 14. № 1. Pp 41-46.
24. Krasnova O.N. Problems of social cohesion development / Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Т. 19. № 3. Pp. 421-423.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Андросов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и управления Факультета управления и дизайна (Люберцы)

*Российский государственный университет туризма и сервиса
ул. Главная, д. 99, г. Москва, пос. Черкизово, 141221, Россия
iekis@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Androsov Andrey Anatolyevich, Ph.D., Associate Professor of Economics and Management School of Management and Design (Lyubertsy)

*Russian State University of Tourism and Service
ul. Glavnaya, 99, Moscow, Cherkizovo, 141221, Russia
iekis@mail.ru*